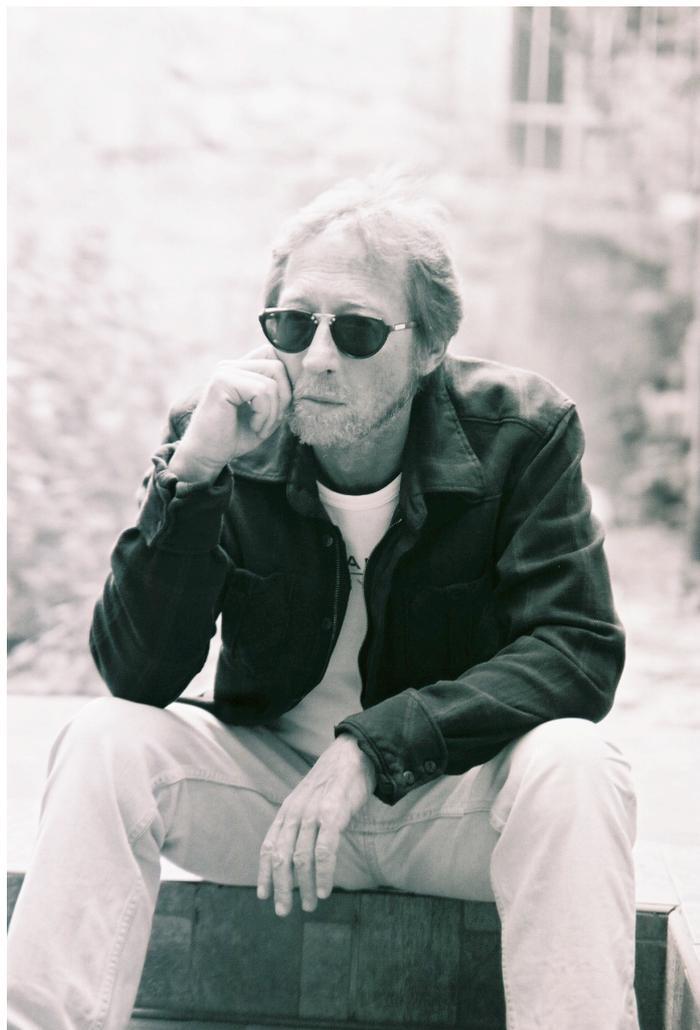

Олег Духовный

*Обратная сторона
луны*

2012

Это моя третья книга стихотворений (предыдущие - "Осенний синдром" и "Императив") и первая, которая будет существовать только в онлайн-варианте, ибо время стадионов для поэзии прошло - пришло время мониторов. И это, на мой взгляд, хорошо. Хор поэзии противопоказан, стихи штука интимная.

Эту книгу составляют стихотворения, написанные за последние два года. Буду рад, если какие-то поэтические строки этой книги найдут отзвук в душе читателя.

С признательностью за внимание - Олег Духовный.

Обратная сторона луны

*Куда же деть Аббу
с её «Harry new year»
и Джо Дассена, что въелись в душу
вместе с высоткою универа
и плеером первым,
льющим в уши
незабвенный «Пинк Флойд»,
прямо в гущу
экзаменов,
и поезд метро, словно строчка гекзаметра
с цезурой твоей остановки
и голосом: «Осторожно,
двери закрываются!
Следующая станция...» -
и что с этим миром станется
знать тебе не дано.
Это было, увы, давно,
значительно раньше, до
печальных твоих любвей,
рожденья твоих детей,
это было в другой стране,
на обратной её стороне –
на пинкфлойдовской, мабуть, луне!*

Метафора

*Как сказал поэт, весной
у толпы прорастают
женские ноги.
Метафора изысканна,
не для многих,
ибо в летний зной
толпа становится
многоруким Шивой,
и глаз замылен,
что, увы, паршиво,
и ты не способен
уже увидеть,
что природа и женщины –
суть едины
(это отметил ещё Овидий) -
сирены, нимфы вокруг,
ундины...
И пока мы едем,
стоим,
шагаем,
разбираясь с зимними холодами –
они, как влюблённые у Шагала,
плывут над нашими головами.*

Арманимания

*Летом ты хорошеешь,
и твои светоносные волосы
благоухают,
особенно в области
шеи,
июня арманикодом –
и я чувствую себя мореходом,
плывущим
по волнам запахов
на переправе к лету –
и когда ты уходишь за полночь,
они принимают
форму твоего силуэта.
И даже потом,
стоя уже под душем,
и смывая все запахи
тёплой струёй воды,
я знаю - они
раскинутся по подушкам,
как будто спишь рядом ты.*

Айлант

*Айлант,
или как называли его «вонючка»,
пахнет детством,
беспечностью,
летним кинотеатром,
когда ты не был ещё навьючен
ни прошлым, ни будущим,
а был просто кентавром,
ибо бегал и бегал
с утра до глубокой ночи,
крича, что кина не будет,
заболел киношник,
играя в квача, в звонкий – на вылет-
штандер,
под голос «Олег, домой!»,
как всегда нежданный.
Ах, этот запах пряный,
почти забытый,
колониальный прямо,
и от него знобит вот.
Затянись сигаретой,
глотай этот дым, как выхлоп –
ах, Итаки мои с Сорренто! –
и вали на выход!*

Эвридика

*Лишь только дошёл до смысла,
а мне говорят, чтоб смылся,
соглашаюсь,
хоть и ропщу, конечно,
ибо единица жизни
на бесконечность
не делится без остатка,
я говорю – останься
на эту ночь,
на этот ещё отрезок,
но к прошлому путь отрезан
или заказан –
к нему уже нет возврата,
осталась дорога в завтра,
не оборачивайся,
былого заградотряды
укокошат твою эвридику,
а так она в снах отрадных
живёт себе, невредима,
юной приходит бестией
к стареющему орфею,
как повод ему для песен,
которые ей до фени!*

* * *

*Твой чёрный лифчик с белою футболкой
взор повергают в обморок глубокий
покруче мандельштамовской сирени,
лишая слов, меняя угол зренья
на то, что можно и чего нельзя –
безвкусица, а смотрится изя-
щно очень даже.*

*Нынче всё снаружи -
тесёмочки, бретельки и застёжки.
Каких-то тайн ты здесь не обнаружишь -
но, вот, заснёшь ли?*

*Собака дикая мелькнёт по кличке Динго –
к чему? зачем?*

*Ах, девушка-индиго,
я вряд ли объяснить тебе смогу –
то век другой и, кажется, планеты -
там от стыда горят ещё ланиты
и замерзают в девственном снегу!*

Философ

*Прости, украинский мудрец,
иль украинский,
хоть и предвижу здесь я укоризны,
не знаю точно –
и не всё ль равно,
что в удареньях вечный кавардак,
но как из всех «мистецтв»
важней кино –
так мне милее всех Сковорода.
Ведь мир его,
как бабочку, ловил
своим сачком, садюга-энтомолог,
иль скажем мягче,
баттерфляефил,
ловец души в разливе этанола!
Ах, мир ловил тебя –
да не поймал,
ты скрылся от него,
как Перельман
от почестей, от славы, миллионов,
от журналюг,
от всех гламурных клонов,
подальше от 3D и от попкорна -
наедине с собою, нелюдим,
чтоб начертать:
«Все возрасты покорны
любви и смерти,
смерти и любви!».*

Помимо

*Листва, собаки, голуби, дети,
но всё это как бы меня помимо –
так река распадается в своей дельте
на рукава,
будто и не было её в помине,
а ведь текла, полноводная,
в своём русле,
не зная зачем, куда, откуда,
и меня не печалило,
что я не в курсе,
вон, стою, смеюсь,
в углу рта окурок,
и толпа студиозусов корчит рожи,
не ведая, что всех ждёт цунами,
впрочем, всё это байки пустопорожние,
такое случилось не только с нами,
но река течёт,
раз ты видишь бакен,
времена проходят и те, и эти,
и листва, и голуби, и собаки,
и прощаясь, видимо,
машут дети.*

Анальгетик

Марии Богомоловой

*Главное свойство времени –
говорят, лечить,
вот, надёжный, проверенный анальгетик,
даже, если память потом включить,
нажимая на клапаны,
как на флейте,
вспоминая про дикую –
месяц? неделю? – боль,
т.е. то, что словом зовут любовь,
воображая сплетённый из тел клубок,
в котором та, единственная –
боже! боже! -
а потом через год или несколько позже
смотреть ей вслед
на исходе лета,
красочного, как пицца,
изрекая печальное: «время – не лекарь,
а – поверь – убийца!».*

Антраша

*Стою возле школы, взираю снизу
на окна третьего этажа,
вспоминая, как по карнизу
перебирался, выделявая антраша,
из окна дежурки, где нас закрыли,
в окно соседнее, где спортзал.
Может, действительно были крылья
или пропеллер, да я не знал?
Притяженье земное, сменив небесное,
осторожным делает каждый шаг,
и ты бережёшь себя зачем-то и пестуешь,
вспоминая безумные антраша -
затаив дыханье, вдоль этой стенки,
без сомненья тени скольжу к окну,
а внизу чувак, замеревши с «Кентом»,
всё стоит и шмалит за одной одну.*

Саломея

*Убеждал, как водится,
настаивал,
от глотков коньячных соловья,
что-то плёл про даму с горностаем
и про танец дивный Саломеи.
И пока толкались средь танцующих,
всё искал штрихи к её портрету -
а она смотрела торжествующе,
как башка катилась по паркету!*

Яхт - клуб

*Здесь прошлое закатано в асфальт,
и новодел прёт на реку,
как грейдер.*

*Я здесь купался – но уже не факт.
Чем доказать?
Шелковицею Грейга?*

*Но ей давно - что гром уже, что бром,
хватает воздух сучьями протезов.
Ты удивлённо вскидываешь бровь,
смеясь в душе на все мои протесты*

*Что новый век, как выскочка-нахал,
не знает ни побед, ни поражений.
И элеватор,
словно Тадж-Махал,
из прошлого бросает отражение.*

Астронавты

*Мамочки тянут за руку своих деток,
а те считают галок, разинув рты,
в комбинезонах с капюшонами –
так одеты,
будто они астронавты,
защищённые от среды
обитания – чужой, враждебной,
ведущей в детсад, к вырождению
детства,
где взрослые-марсиане
призывают на аккордеоне своём, баяне
к маханию рук,
предшествующему манной каше,
которую со слезами глотает кашель,
и улучив минутку, забыв машинки,
одиноко застыть у окна снежинкой
в пространстве аэропорта,
оставленного людьми,
ожидая когда с работы
придёт за тобою кто-то
и заберёт
в утробу своей любви.*

Смоковница

*Конечно же, всё принимаю,
но только, вот, не понимаю,
зачем Он её уничтожил –
уж слишком был повод ничтожным –
неужто же так, для примера,
преподавши потомкам урок,
чтоб поняли все непременно,
что Он всемогущ и суров?
Смоковницу жаль мне подругу –
попала в горячке под руку,
и стали все ветки сухи.
Принимаю, а всё ж озадачен –
возможно за эти стихи
и я попаду под раздачу?
На всякий пожарный, усердней
шепчу я стихи из молитв
в надежде, что Бог милосердный
простит сожаленья мои.*

* * *

*Лето уже на исходе,
отчаливает от сходней
корабликами листвы.
Как небеса пусты
в небе аустерлица!
В памяти стёрлись лица
любимых, меня любивших,
но, к сожаленью, бывших —
и в перспективе ноль.
Душу печалит ночь,
ибо уходит милая,
судя по всем раскладам.
И сколько в крови промиллей
горечи, зим, утрат,
можно узнать по складкам,
что пролегли у рта.*

Еврейский вопрос

*Когда мы впервые приехали в гости
к моей бабушке по отцу
(теперь на Байковом лежат её кости),
я к тому времени ни разу не ел мацу
и понятия не имел про идиш
(ныне тоже канувший, словно Китеж),
и она заговорила на незнакомом мне языке,
то я – ещё малый белокрысый шкет –
был озадачен.*

*Отец что-то сказал по-еврейски
и, судя по тону, довольно резкое.
Бабушка, костяшками пальцев хрустнув,
перешла, обнимая меня, на русский.
Отец сказал ей: «Ты что не видишь,
он ни слова не понимает на идиш!».*

Бабушка в ответ:

*«Так научи его, ты же папа,
а не ходячая шляпа!».*

*Отец: «Сейчас не лучшее время,
скажи, зачем ему быть евреем?».*

*Бабушка: «Даже в злосчастной империи
мы не стыдились быть с папой евреями!».*

*- «Мама, нас, что в ясный, что в пасмурный,
как говорится, можно узнать и без паспорта».*

*Бабушка, посмотрев на меня с грустью,
спросила:*

«Ты евреем хочешь быть или русским?».

*Отец, как мальчишка,
свесился из окна и свистнул,
поднимая в небо киевских голубей.*

*Я ответил бабушке: «Футболистом!»,
не понимая смеха её, хоть убей!*

Плюсквамперфект

*Этого снега огромные хлопья
напоминают мне давний мой хлопок,
который когда-то в мешки набирал
два месяца кряду, до ноября,
для ордена, мабуть, партийного бая.
Возвращались домой, на гитаре лабая,
«Примой» давясь, разливая кагор,
честно болеть за свой «Пахтакор»,
где штанги крушил Геннадий Красницкий,
и девчонка-соседка, опустивши ресницы,
меня приглашала на свой день рождения –
о, наваждение, день вожделения! –
селёдка "под шубой" над нами плыла,
и юная женщина с нами была,
прелести редкой, необычайной,
сидела дуэньей, поводила плечами,
на наше застолье смотрела печально,
пока мы в бутылочку шумно играли.
Разбитые рюмки, тарелки с «бычками»,
бутылка «Агдама», как чаша Грааля,
и хлопок с небес –
без конца и без края!*

Икона

*Почему я раньше не видел,
что щекою к щеке прижавшись,
дитя обнимает рукою мать свою за шею,
словно бы только что с улицы прибежавши,
ластится, просит, видимо, разрешения
съесть что-нибудь вкусненькое –
печенье или конфету –
смотрит в её глаза, ждёт, как и я, ответа!*

После

*Какое в тебе чудное сочетание атомов и монад!
Поколение пепси сменяет уже индиго,
а я, дорогая, допиваю свой лимонад,
что, конечно, согласен, ужасно дико.
А вот стихи, послушай –
там табуны ночные
несутся, прозрачные вьются гривы!
Ау, товарищ, ты уныл, очнись,
проехали,
рецепторы все другие.
А что будет после,
когда уж ни букв, ни слов?
В какие сады распахнутся двери?
О, дорогая, нас ждут реки аминокислот
и голоса бактерий!*

Снеготворение

*Мир снегом за ночь сотворён по-новой,
его, как пасху, в формочках лепили,
чтоб – господа, товарищи, панове! –
с утра мы ахнули –
и снова полюбили!*

Лазурь

*Февральская лазурь. Предчувствие весны.
Оттаявших разлук боль утоляет сныть,
согласно словарям лекарственных растений.
Учтём, как вариант – но лучше всё же с теми,
кто выстудил тепло, нам не встречаться впредь.
Хорош ты или плох – к чему весь это бред,
безумный этот пыл, горячки ртутный столбик?
Лазурь сметает пыль. Зима меняет облик.
Смотрю на небеса сквозь провода и ветки.
Пусть всё, что написал, строкой уходит ветхой
в небесный травостой любви и воскресенья -
целебный, как настой лекарственных растений!*

Призма

*Не возвращайся в своё былое,
оно отрезано, как пилою,
там пусто, гуляет один сквозняк,
воспоминаньями лишь казнят
настоящее – и не более.
Зачем ты снова исходишь болью,
вспоминая заветные блики счастья?
Давно ведь сказано – не возвращайся
к былым возлюбленным и местам,
забудь дорогу ко всем мостам,
ведущим в прошлое, где нас нет.
Смотри, какой драгоценный снег
витает, как детства призрак.
Что слёзы?! – всего лишь призма,
преломляющая свет души.
Можешь смеяться, но все ушли –
вон, посмотри, вдалеке фигурки
бредут, как у Брейгеля, вдоль реки,
и пацан катается на «снегурках»
на расстояньи вытянутой руки!*

Мазда

*Сосед всё моет и моет
свою серебристую «Мазду»,
почти языком вылизывает,
слюною почти что смазывает,
ах, как она вся сияет
под мартовским робким солнцем,
надежду в меня вселяет
и веру в треклятый социум,
что всё ещё обойдётся,
раз столько любви к болиду,
и как-нибудь рассосётся
то, что внутри болит вот.*

Пасха

*Яица крашу. Украшаю пасхальный кулич.
После смерти возлюбим,
а пока - не хватает улик.
Чёрный ящик любви,
несгораемый, словно вокзал!
Только смертью поправ
эту смерть, можно нам доказать,
что воскреснет трава,
что деревья пребудут в цвету,
и всю ночь напролёт
из апостольских дивных цидул
песнопеть словеса,
уверяя в спасеньи Твоём,
и в объятьях уснуть,
чтоб могли мы воскреснуть вдвоём!*

Твой ангел

*Ты ушла,
а твой ангел ещё со мной,
говорит, я знаю, одному весной
быть негоже,
так что побуду с тобой до лета,
а потом, извини, улечу далече,
а пока будем вместе гулять по парку,
бо неудобно,
здесь все попарно
или группами, а ты не хочешь,
всё время стихи про себя бормочешь,
страдаешь, как будто это в первый раз,
и - сделав надо мной вираж -
на плечо садится.
К новым запахам,
говорит, да и к чаю с сахаром,
никак не могу привыкнуть,
да и к имени его и отчеству,
ну, ничего, обвыкну -
вот только сделаю нам прививку
от одиночества.*

Веронал

*Я ищу тебя взглядом в толпе,
и мнится мне в каждом столбе
тот, к которому я ревновал,
ах, попей-ка, дружок, веронал,
успокойся, нервишки шалют,
превращенье любимых в шалав,
которым шептал ты «айлав»,
будет мягче, не так травматично,
жизнь по сути итак драматична,
так что лучше не усугублять,
просто крикни что мочи: "У, блин,
всё же был я когда-то любим,
да и мама любила б меня,
даже мудрого, аки змея!"*

Встреча

*Нет, не успенье – просто опоздание.
Зал ожидания выглядит убого.
Забуду всех –
но всё же опознаю
тебя по родинке над верхнюю губою.*

Лебединое озеро

*Расколдовать тебя вряд ли сумею,
так и будешь плавать,
не то лебедь, не то гадкий утёнок,
но замёрзнет озеро,
хоть климат умерен
и лёд здесь тонок.
Зима наступит, и продрогнут перья,
белый танец метели стерильно нежен,
злой волшебник мотается,
как пропеллер,
не отпуская тебя, да нет же, нет же,
причём здесь он, это чёрный лебедь
кружит, порочен, заглушая лепет
сердца,
ещё на пороге теплообмена,
в жажде обмана и фитнес-секса.
Прощай! Не надо бросать монетку!
Музыка предвещает, что быть беде.
Начинается танец марионеток,
вернее, маленьких лебедей.*

Хронос

*Чем дольше живёшь,
тем меньше нужны часы,
угадывания времени столь часты,
что понимаешь: Хронос есть ты.
Он поселяется в тебе ровно тогда -
здесь можно смеяться - когда
тебе не нужно засекаать время,
чтобы до готовности сварить варенье
или пресловутое яйцо всмятку,
и в чай добавляя мяту,
понимать, что лучше бы валерьянку,
и нет уже вариантов,
которые вдруг убедили,
что сломан внутри будильник!*

Лицеисты

*Под пером Нади Рушевой
юный хохочет Пушкин,
а рядом унылый Кюхля, а это, наверно, Пущин,
а вон подслеповатый Дельвиг,
и, конечно же, множество Делий
босоногих,
летающих, словно лебяжий пух,
а мои приятели, звавшие меня Дух,
канули в вечность,
где Пушкин ласкает слух
или Гомер, а может другой аэд,
и тает и тает их отпечаток, след
в этой жизни, где другие поют кумиры,
обращаясь к городу Глупову
и такому же миру,
кружат и кружат на бэхе в своём районе,
шумят и трезвонят –
всё, пожалуй, спасает ирония,
которой вы тоже не были, помню, чужды.
А у меня растёт внучка –
это такое чудо! –
строит рожицы, раскатывается на качелях,
и хоть жизнь уже прожита –
а всё таки не плачевна!*

* * *

*Поминать лазурь Преображения,
не стесняясь, после Пастернака,
всё равно, как яйца Фаберже бы
штамповались с лёгкостью, однако.
Впрочем, это нравственные бредни!
Эксклюзив поставлен на поток
фестивалей, конкурсов и премий -
нам сейчас желателен потоп
Слов, где нет ни радости, ни боли.
Графоманишь, сам себе нарцисс.
Гений смежил очи? Так тем более,
флаг нам в руки, в воду все концы!*

Чертоги

*Увижу отца
в длиннополом пальто и шляпе
и юную маму в пуховом платке и шубке,
как хорошо им
по зимним улицам шляться -
ещё без меня! - и каждой смеяться шутке.
Не обращайтесь внимания
на типа полуседого,
что стоит и смотрит,
блаженный глотая снег,
это последний хранитель
будущих ваших чертогов,
который, завидев вас, всхлипывает во сне!*

* * *

*Она торопит миг последних содроганий,
ему ж милей процесс,
он шепчет, дорогая,
не надобно спешить, соитие бесценно,
и если мир – театр, то ложе – это сцена,
где паузы ведут к оргазму кульминации
вернее, чем пальба к финалу и овациям.
Расслабься, растворись,
плоть – это та же цедра,
давай её ронять,
рассеянно и щедро,
как говорил поэт,
едва, едва, едва...
Но ты поймёшь едва ль –
вон, всадницей летишь,
не попадая в стремя,
и мстительно толчёшь, как воду в ступе, семя.
Всё кончено, аминь,
эдемский сад безгрешен,
остался лишь кармин раздавленных черешен!*

Дольче вита

Ну, что ещё нужно –
кофе, море, перистые облака,
девы вокруг щебечут –
и пусть где-то маячит драма, но пока –
вот она, пахлава со щербетом!
И ничего не болит –
тьфу, тьфу, тьфу! –
и стих слагается сам собой...
Неужели для этого мама в тифу
лежала? Впору уйти в запой.
Отец рыл для неё землянку,
устроил что-то вроде *vir*-лазарета.
Доктор потом изумлялся,
что она выжила.
Благодарю за это.
Хорошо ни о чём не думать,
полагая, что мир сей создан
для этой минутной, увы, минуты.
Что я маме дарил? Духи? Мимозы?
Не помню. Вернее, смутно.
Цеди теперь свой –
ну как без него! –
мохито,
расставляя слова в обречённом судьбой порядке.
Море сияет, как шкатулка из малахита,
но закрою глаза –
и с прошлым играю в прятки.

Спящая

*Женщина чутко спит.
И рядом граната плод.
Подводною лодкой всплыть
потребуется скоро плоть -
в этот мир, в эту явь, в этот сон,
что вечный ведут разговор
над фигурой её восковой,
как от мадам Тюссо.*

Арифметика

*Знакомство, встречи, расставание,
считаешь что-то озадаченно,
на время делишь расстояние,
ответ найдёшь в конце задачника.
Но можно сделать вид, что не было
всех этих лет – ну, Бога ради! –
и вырвать, как страницу с неудом
из ученической тетради!*

Блошиный рынок

*Проезжаю мимо блошиного рынка,
мешает слеза или просто соринка
смотреть на руины бывшего тепла,
над ними парят ещё чьи-то тела,
носившие эти кримплены и шляпы,
и гневно поёт над развалом Шаляпин
про гибнущий род за презренный металл,
но, кажется, бисер напрасно метал –
они ведь из этих надтреснутых чашек
всего лишь вечерние пили чай,
застыв статуэтками, китчем редчайшим –
над плачем,
над веком,
над хламом ничьим!*

Кулинарный роман

*Эти пять вечеров
прошлой жизни, как сон,
а вернее, как ров.
Роем воздух клаксон
безразмерного «ЗИМ»а,
уходящего в зиму
ближних кунцевских дач.
Сил им, Господи, даждь,
этим людям, спешащим в свои магазины,
с авоською хлеба, с бутылкой кефира,
и капает дождь или слёзы эфира -
уже не понять.
Укрепи и направь!
Как пугается даль,
все законы поправ!
И где-то поэт свой слагает роман,
чтоб морок рассеять, вселенский обман,
где вонь коммуналок, теплушки и нары,
и мальчик листает талмуд кулинарный,
в ожиданьи весны,
цепenea от страха -
там в молочные реки
с икрой астраханской
впадают ситро и душистый дюшес,
разливаясь восторгом в ребячьей душе!*

Без любви

*Слава Богу, ты для меня уже в вечности,
витаешь где-то, аки луч пречистый.
От тебя остались какие-то фенечки
да волосы в щётке, пока не почистил.
Чем меньше любви – тем больше инстинктов
в отношениях между, увы, увы.
Зима подступает водами Стикса,
холодными, словно стихи без любви.*

Рождественский базар

*Не знаю, но я обожаю
и рождественские базары,
и людскую на них толчею,
я и сам здесь с глинтвейном торчу,
ем кебабы, хот-дог, пахлаву,
и с подарком, подобно волхву,
кружу вокруг праздничной ёлки,
пока сердце внезапно не ёкнет,
увидев на небе звезду,
словно мать в умиленьи слезу
уронила в небесную чашу,
чтобы в этом глинтвейне сладчайшем
тайной вечера горечь была –
и глоток у меня отпила!*

Модильяни

*Брожу по саду Люксембургскому,
здесь всё знакомое и близкое -
вон поэтесса петербургская
идёт к художнику парижскому.
С ним девы свои сны разгадывают,
от взглядов зорких хорошея,
и словно в окна к нам заглядывают,
с портретов вытянувши шею.*

Анна Каренина-2

*Снег поскрипывает за окном
под ногами прохожих.
Читаю роман.
В нём, как заодно,
снег тоже похожий –
искрится, кружится,
танцует канкан,
сияет, как китель,
и Левин влюблённый кружит на коньках
рядом с юною Кити.
А может быть это природа сама,
согласно роману,
считает, что раз на страницах зима –
пусть снег падает манной,
а в остальном пусть пути разойдутся
романа и жизни,
и Анна с Карениным пусть разведутся
в обычном режиме.
И пусть вырастет дочь –
уже Вронская Анна! –
снег меняя на дождь
для другого романа.*

Оптимистическое

*Модный шарф, что купил на Монмартре,
замотаю парижским узлом,
чтоб форсить в этом призрачном марте,
всем ненастьям назло.*

*Там и солнце появится вскоре,
засверкают девицы ногами,
и улягутся зимние скорби,
как цветок оригами.*

*И душа вместе с Пасхой воскреснет
старой песенкой из «Мимино»,
что сыграет бродячий оркестрик,
во все трубы гремя мимо нот!*

Хор

*Я опять возвращаюсь в свой сон,
в домобильное время любви,
детский хор мне поёт в унисон:
«Не укра, не прелю, не уби,
не возже жены ближнего тоже!»
«Ну, а дальнего? Дальнего можно?» -
я взываю к пустым небесам.
«Это мо. Если дальний – ты сам.
Отсеки себе руку соблазна,
вырви похотью налитый глаз,
обратись в соль земли, в протоплазму,
в вопиющий божественный глас!».*